
ТУЛА И МАЛЫЕ ГОРОДА ТУЛЬСКОГО КРАЯ: СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Наталия Кириленко
(г. Тула)

НИКОЛОЧАСОВЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Этот храм стоял на улице Посольской (ныне Советская), напротив выхода на нее улицы Томилинской (позже — Суворовская, ныне — Красноармейский проспект). Теперь на его месте — пятиэтажный жилой дом, на первом этаже которого раньше находился «Дом обуви», а теперь — магазин бытовой техники.

Преданья старины глубокой...

Рядом с храмом на Посольскую со стороны кремля выходил Ломовский (ныне Денисовский) переулок. В XVI — первой половине XVIII вв. примерно по линии улицы Советской проходили земляной вал и стена острожной крепости. Примерно там, где сегодня переулок выходит на улицу, в стене острога были небольшие ворота — так называемый Абрамов пролаз.

По преданию, рядом с острожной стеной здесь стояла келья блаженного Абрама; при ней имелась маленькая деревянная часовня с иконой святого Николая; по ней-то и была названа построенная здесь позже церковь.

В 1740 году земляной вал срыли.

Деревянная часовня нередко страдала от пожаров, и в 1745 году ее заменили каменной.

А в 1804 году возвели каменный храм, вначале однопрестольный, который затем неоднократно перестраивался и расширялся. При храме была часовня над колодцем, известным с летописных времен. Колодец засыпали при разрушении храма в середине 1930-х гг.

Необычный облик

После нескольких перестроек Николочасовенская церковь стала четырехпрестольной. Первый, южный, освятили во имя святого Николая, второй — во имя равноапостольной Ольги и преподобного Серафима, третий — Казанской иконы Божьей Матери, четвертый — Тихвинской иконы Божией Матери.

Интересная история возникновения четвертого престола. У тульского купца Кос-

тина была Тихвинская икона Божией Матери. Рассказывают, что многие туляки видели во сне, будто их призывают посетить дом Костина и присутствовать на молебне перед этим образом. Люди стали это исполнять. Монаху, приглашенному из Николочасовенского храма для отправления служб, приходилось даже жить в доме у купца — настолько много было желающих помолиться перед иконой. Епископ Тульский и Белевский Дмитрий счел такое положение неудобным и предложил Костину пожертвовать образ храму. Купец не только преподнес в дар икону, но и выделил деньги, на которые и построили Тихвинский придел Николочасовенской церкви.

Храм имел два купола — один на круглом световом барабане, другой — на восьмерике с неравными гранями. В центре здания, выступая за красную линию улицы, находилась западная паперть, на нее вели с двух сторон лестницы, расположенные вдоль фасадов. Паперть была увенчана колокольной с 7-ю колоколами, самый большой из которых весил больше тонны.

По мнению архитектора Александра Шевчука, «несомненный интерес представляла Николочасовенская церковь в градостроительном плане. Как известно, современный Красноармейский проспект ранее замыкался почти семидесятиметровой колокольной Успенского собора кремля, которая доминировала над окружающей застройкой, визуально несколько подавляя ее. Один из куполов Николочасовенского храма (левый) тоже замыкал нынешний Красноармейский проспект и, накладываясь на главную городскую доминанту..., несколько нивелировал ее «разрушительный» масштаб. В итоге получалась классическая композиция пространства, характерная для русских городов: ось улицы — невысокая доминанта на переднем плане — основная доминанта исторического центра».

Иоанн Котельников

Говоря о Николочасовенской церкви, невозможно не вспомнить о блаженном Иоанне, чья судьба тесно связана с этим храмом.

Иоанн Котельников родился в семье знатного тульского купца, дом которого стоял на Посольской улице. Еще подростком он начал помогать отцу вести дела по купле-продаже леса, часто бывал в Серпухове, где закупал лес, который сплавляли по Оке. Недалеко от серпуховского Владычного монастыря жила блаженная старица Евфросиния, урожденная княжна Вяземская. Она, по преданию, и благословила Иоанна на путь юродивого Христа ради.

Иоанн стал проявлять аскетизм, воздерживаться в пище, отказываться от помощи слуг, а в 17 лет решил на подвиг юродства.

Умный и образованный богатый человек покинул родной дом и ушел скитаться по тульским улицам. Зимой и летом ходил босой, с непокрытой головой, питался подаянием. Во все времена года ночевал на паперти Николочасовенской церкви, правда, спал недолго, больше молился. В это время случайные прохожие видели его в светлом сиянии и приподнятым над землей. Родные много раз пытались забрать Иоанна домой, но он снова уходил.

Иоанн Котельников предвестил страшный пожар, случившийся в Туле 29 июня 1834 года. Незадолго до этого бедствия он ходил по улицам, которые потом были уничтожены огнем, и дул во все стороны, как бы раздувая тлеющие головешки. В некоторых домах просил воды, но не пил ее, а выйдя на улицу, поливал ею дом. Все строения, с которыми так поступил Иоанн, уцелели, хотя соседние с ними дома сгорели.

Придя на базар, юродивый как бы видел весь товар насквозь. Однажды прогневил торговца, опрокинув его бочку с квасом. На дне бочки оказалась дохлая крыса.

В разоренные пьянством дома Иоанн приносил подаренные ему вещи и деньги.

За исцелением обращались к нему выпивохи и их родные. После смерти юродивого исцеления от пьянства происходили на его могиле. Именно при Николочасовенском храме, где был похоронен Иоанн, в начале XX в. действовало общество трезвости.

Как-то раз Иоанн пришел к своим родственникам и сказал, что через два дня у них будет пир. Это было последнее предсказание блаженного — поминки по самому себе. Умер он в 1845 году.

В 1920-х годах верующие, не желая, чтобы могила Иоанна подвергалась осквернению, тайно перенесли его останки на Всехсвятское кладбище. К его могиле никогда не зарастала тропинка.

В 1988 году блаженный Иоанн был сопричислен к Собору святых, в земле Тульской просиявших. В 1990 г. раку с его мощами установили в соборе Всех Святых. В том же году во имя блаженного Иоанна Тульского освящен придел в Свято-Покровском (Феодосиевском) храме.

Печальная участь храма

В первые годы Советской власти Николочасовенская церковь разделила судьбу многих тульских храмов.

Первый раз ее попытались закрыть в 1921 г. Верующие, приходившие в Николочасовенский храм даже из отдаленных частей Тулы, обратились к местным властям с просьбой не закрывать его. В ноябре 1921 г. храм обследовала комиссия Главмузея (Москва) и предписала взять церковь под охрану «ввиду ее художественного значения и целостно-сохранившегося стиля». Предметы из храма также не подлежали реквизиции без разрешения Главмузея.

Однако эта «охранная грамота» действовала недолго. Весной 1922 года, во время кампании помощи голодающим Поволжья, церковную утварь из Николочасовенской церкви изъяли. Особо ценные предметы передали в Тульский художественно-краеведческий музей. Среди них была, например, серебряная золоченая звезда 1-й половины XVII в., напрестольный крест начала XVII в., напрестольное Евангелие 1681 года.

6 августа 1922 года храм был отдан обновленцам — священникам, сотрудничавшим с Советской властью; их резиденция и существовала здесь более 10 лет.

В 1935 году Николочасовенскую церковь закрыли, обосновав это необходимостью размещения в ее здании библиотеки. Потом были другие проекты — устроить в бывшем храме кинотеатр с концертным залом и кафе. Помешало отсутствие на это денег. Храм снесли, и на его месте свыше 20 лет был пустырь, поросший бурьяном и огороженный забором. В начале 1960-х гг. здесь построили пятиэтажный жилой дом с магазином «Дом обуви».

Мария Аблогина, Михаил Семенов
(г. Белев)

СЕМЬЯ АСТАХОВЫХ

От редакции: Мы получили письмо уроженца Белева Владимира Дмитриевича Никишова, приводим его текст:

Направляю Вам рассказ о Белевской семье знаменитых учителей Астаховых. Помимо моей статьи, было бы правильно опубликовать и статью учеников о семье Астаховых. Ведь именно эта статья побудила меня к рассказу о моем учителе. Моя краткая биография: Родился в 1939 году в дер. Зубково Белевского района Тульской обл. Учился в Ново-Долецкой начальной школе, Белевской семилетней школе № 8, Белевской средней школе №1, Окончил Лесоинженерный факультет Московского лесотехнического института. Область научной деятельности — неразрушающие методы контроля древесины и ее комплексное использование. Профессор кафедры Технологии и оборудования лесопромышленного производства. Директор издательства Московского государственного университета леса, зам. главного редактора журнала «Лесной вестник».

Редакция сочла возможным и необходимым поместить эти материалы в исторический выпуск журнала «Приокские зори».

В городе Белеве трудно найти человека, который не знал бы фамилии Астаховых, педагогический стаж этой семьи — 132 года.

Ученики муниципальной общеобразовательной средней школы № 1, в которой год действует музей истории школы, решили поближе познакомиться с этой удивительной семьей. Вот какой интересный рассказ мы услышали от Марины Ивановны Астаховой и ее бывших учеников.

Астахова Варвара Николаевна

Варвара Николаевна начала работать с 1908 года учительницей в деревне Железница Белевского уезда. В местной школе учились только мальчики, но молодая учительница так понравилась селянам, что они стали отдавать в школу и девочек. Долгими зимними вечерами в классе горела лампа, и ученики приходили, чтобы послушать произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, с которыми их знакомила учительница.

Уже через десять лет, в 1918 году, Варвара Николаевна организовала первый в Белеве детский дом им. Веры Величко, где проработала заведующей, а потом воспитательницей 9 лет. Всю себя она отдавала осиротевшим детям, стараясь любовью, добротой

и заботой отогреть их сердца. Варвара Николаевна интуитивно чувствовала, что только опираясь на актив, можно достичь желаемых результатов. Время было тяжелое. Обуть и одеть детей, чтобы они могли ходить в школу, было несбыточной мечтой, но она поставила задачу — растить настоящего человека.

Варвара Николаевна обратилась к учителям города с просьбой прийти обучать детей в стенах детского дома безвозмездно. Откликнулись лучшие учителя города: Мельников Николай Александрович, Кириков Михаил Степанович, Соболева Варвара Васильевна, Судитская Лидия Николаевна. Вот так любила и думала о будущем своих воспитанников их детдомовская мама.

Далее Варвара Николаевна работала в школе им. К. Д. Ушинского, заповеди которого свято выполняла. Когда же была открыта школа № 5 имени В. А. Жуковского, она обучала в ней детей начальных классов до дня эвакуации, т. е. 6 октября 1941 года.

В связи с ухудшением зрения в школу она больше не вернулась, но вела большую работу с молодыми учителями, передавая им свои знания по методике обучения организации учебного процесса в начальных классах, уделяя особое внимание воспитанию личности ученика.

За многолетнюю плодотворную работу по воспитанию детей, за безупречное отношение к педагогическому составу, имела многочисленные благодарности. Вот одно из воспоминаний о ней:

«Человек большой души — Астахова Варвара Николаевна.

Через всю свою жизнь я пронесла светлую память об этом человеке, о моей первой учительнице. Придя в первый класс робкими, а порой и голодными, т. к. это был 1933 год, мы увидели в этой женщине воплощение доброты, порядочности, мудрости. И самое главное, мы чувствовали теплоту и свет, исходящие от нее. Наша семья была бедной, и хлеба не всегда хватало, но Варвара Николаевна чувствовала сердцем, кому нужна помощь.

Однажды, придя в школу, Варвара Николаевна попросила меня зайти к себе домой. Я пришла, а она передала моей семье пакет с «французскими» булочками, которые я не видела никогда. Не передать никакими словами те чувства, что тогда испытывала. Не ведая того, она спасала нас от голода.

В классе всегда у нее было тихо, хотя она даже ни на кого не смотрела строго. А на перемене, когда многие бегали в буфет, я с братом стояла в стороне, потому что у нас не было денег, чтобы купить кусочек хлеба. И вновь на помощь приходила она. Брала нас нежно за руки и подводила к буфету. Покупала нам бутерброды. И опять в наших душах был праздник. А она, незаметно сделав доброе дело, оставалась в стороне. Лишь со временем, повзрослев, я поняла, что значила ее доброта: она помогала выжить в те нелегкие времена многим детям...

И за ее «золотое» сердце мы низко кланяемся ей. Прошли годы, но я каждый день вспоминаю ее, и хожу в церковь, молясь за то, что в моей жизни был такой человек.

Ее бывшая ученица, Степа Лидия Ивановна».

Астахов Иван Егорович

Иван Егорович начал свою педагогическую деятельность с 1906 года. Два года он работал учителем сельских ребятишек в деревне Кондратово Белевского района. А далее, когда увидели, что он талантливый учитель, и ему селяне дали хорошую характеристику, в 1908 году Ивана Егоровича взяли работать в Белевское реальное мужское училище имени В. А. Жуковского в городе Белеве. Он сам был его выпускником.

В 1920—23 годы, он трудился в Уездном отделе народного образования, а в 1923 году стал заведующим учебной частью Белевского детского дома, где и познакомился с будущей женой. Это были тяжелые годы для всей страны. Голод, разруха после

гражданской войны, целая «армия» беспризорников, детей оставшихся без родителей, обделенных их лаской и заботой. Детские дома должны были не только обогреть и накормить, но дать им образование и профессию. В этом деле требуется самоотдача, терпение, любовь к детям, нужны были такие люди, как Иван Егорович Астахов.

Одна из школ, в которой работал Иван Егорович, находилась на ул. Советской, где сейчас находится районный Комитет народного образования; долгие годы работал в школе № 1 директором, в школе им. Ушинского, которая находится на ул. Первомайской. Далее, когда открыли школу № 5 в здании бывшего народного мужского училища имени В.А. Жуковского, Иван Егорович Астахов попросился работать туда, где стал директором и преподавал математику. С 1930 по 1936 год семья Астаховых жила в доме В. А. Жуковского.

Когда началась война, и в октябре 1941 года фронт приблизился к территории района, семья Астаховых уезжает в эвакуацию. Живет в Бухарской области Узбекской ССР в райцентре Бустон. Когда освободили Белев, то Иван Егорович послал телеграмму в Тульский облоно и сообщил, где он с семьей находится. Пришла ответная телеграмма — его вызывали с семьей в Белев. Немцы были еще в Мишенском, около Белева шли бои. Семья Астаховых сначала остановилась в деревне Семеновское. Ивана Егоровича назначили заведующим отделом Народного образования. Это было 17 марта 1942 года. Часть Белевского района была занята немцами. Наше правительство поставило задачу: дети на освобожденных территориях должны получать образование. Перед Астаховым Иваном Егоровичем стала задача — открыть школы, и он успешно с ней справился.

Далее, по призыву Сталина, все мужчины, у которых возраст не подходил к обязательному участию в боевых действиях, добровольно могли идти на фронт, и Иван Егорович добровольцем ушел в армию. Пробыв в действующей армии с апреля по сентябрь 1942 года, вернулся назад и приступил к прежней работе. В это время открывались новые школы, но немцы еще находились недалеко от города. Освободили весь Белевский район только в июле 1943 года. На освобожденной территории нужно было тоже открывать школы. Во время боевых действий они находились даже в блиндажах.

В 1943 — начале 1944 гг. в Белевском районе открылось 92 школы. В Белеве только 15 % зданий было пригодно для их эксплуатации. Белевский отдел Народного образования, который возглавлял в военные годы Иван Егорович, находился в его собственном доме на ул. Пролетарской, 19. Далее, оставив эту должность, он до 1946 года был директором начальной школы № 4 им. Рылеева. Потом работал в отделе пропаганды и агитации райкома партии и одновременно преподавал математику, заведовал белевским радиовещанием. В то время газеты выпускались редко, бумаги не хватало, доставлять их было тяжело. Радио для белевцев служило зачастую единственным источником новостей, которые распространялись по всей нашей большой стране.

Далее, Иван Егорович уходит целиком и полностью на педагогическую работу. 4-я школа стала семилетней, и он преподавал в ней математику до конца 1952 года.

Иван Егорович вел очень большую методическую и воспитательную работу с молодыми учителями. Он в летние месяцы проводил курсы с учителями начальных классов по методической работе. Прекрасно знал литературу. Он необыкновенно читал отрывки из художественных произведений. Когда проходили учительские конференции, его просили прочитать монолог из какого-либо произведения, и когда он читал монолог городничего из «Ревизора», то восторгам и аплодисментам не было конца. Он отдал 54 года Белевскому народному театру, играл в нем различные роли.

Он первым в Белевском районе вырастил виноград, за что был награжден грамотой.

Иван Егорович Астахов умер в 1958 году, на его похоронах присутствовало очень много людей, и был венок с надписью на ленточке: «Учителю учителей»...

Марина Ивановна Астахова вспоминала: «Наша семья была очень дружная. Мама, папа, младшая сестра Лида и я были друзьями. Когда мы подросли, то принимали самое активное участие в решении всех вопросов, так как нас формировали как личность, хотя авторитет родителей был для нас неоспорим. С детства они воспитывали в нас трудолюбие, уважение и доброту к окружающим, силу воли в достижении поставленной цели, умение воспринимать критику, в любых ситуациях принимать объективные решения. В семье всегда царил дух любви, оптимизма. В свободные минутки, которые были для нас праздником, папа и мама делились своими школьными новостями, обсуждали прочитанные нами книги, читали вслух по очереди, устраивали «театр теней» и т. д. Все это сближало нас. У нас была большая библиотека, так как семейное хобби во все времена — книги. Мама очень любила И. А. Крылова, большую часть его басен знала наизусть. Родители привили нам любовь к родному краю, научили любить природу, любить жизнь, говоря, что жизнь на всех этапах прекрасна».

Астахова Марина Ивановна

Эти чувства к прекрасному пронесла через всю свою жизнь Марина Ивановна Астахова. Недаром ее бывшая ученица так сказала о ней: «Статная, с профилем античной богини с камеей. Возраст сделал ее еще красивее, высветив изнутри саму суть, и она — старейший педагог района, всегда оставалась с изыском одетой благородной дамой».

В ее дом на Пролетарской, бывшей Дворянской улице, по вечерам приходили люди, здесь бывали бывшие ученики. Приезжая к родителям, они обязательно наносили визит Марине Ивановне, а без этого вроде бы и не состоялась для них встреча с малой родиной.

Двери этого дома знакомы и нынешним школьникам, которых она уже не учит в своей родной первой школе: прибегают они справиться о здоровье, не нужно ли чего. Это бывшие и сегодняшние коллеги волнуются, как там она. Знают, что любит молодежь, поэтому и посылают. Ведь и она когда-то посылала учеников проводить стариков. И кажется, от этого ребята учились понимать, жалеть и помогать им.

Ее хорошо знали в районе: вышла из учительской семьи, больше полвека сама проработала в школе, занималась депутатской работой, руководила Советом ветеранов-учителей. По складу характер активный, деятельный, энергичный и очень добрый, деликатный человек, она принимала участие в судьбе многих выпускников. Вера в возможности школьника, глубокое неподдельное уважение к его личности — неотъемлемая часть стиля Марины Ивановны, а отсюда ее незыблемый авторитет не только у учеников, но и у их родителей. Мудрые слова говорила она своим ученикам: «Пусть будет добрым ум у вас, а сердце умным будет». Этому, кающемуся в руках мастера простому делу, отдана вся жизнь.

«Учитель! Сколько надо любви и огня, чтобы помнили, чтобы верили дети в тебя!» Эти слова полностью оправдывают жизненный путь Педагога с большой буквы — Марины Ивановны Астаховой.

В трудный 1944 военный год, когда все взрослое население, и учителя в том числе, ушли отстаивать нашу землю от фашистских оккупантов, она стала работать учителем в школе № 2.

Марина Ивановна поступила учиться заочно в Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза, успешно его закончила, приобрела специальность учителя немецкого языка. Вскоре перешла в школу № 1, где проработала много времени. Теперь более 20 учеников Марины Ивановны стали преподавателями иностранных языков.

Многому хорошему она научила своих питомцев. Марина Ивановна обладала талантом человеколюбия, любовью к своему труду, поэтому долгие годы сохраняла бодрость духа, ясность ума, свежесть впечатлений. Каждое ее слово несло добро и справедливость.

В течение 22 лет, до 1984 года, Марина Ивановна работала заместителем директора, и за это время внесла в жизнь школы очень много нового, особенно в методической работе. Сама собранная, дисциплинированная — она вела большую работу по воспитанию чувства порядка. Много брала она от своих коллег-учителей, с которыми когда-то училась в институте, и опыт этот передала другим.

Много времени и сил отдала она работе, однако, на склоне лет, сохраняла удивительную физическую бодрость. Не скрывала секрета — все это от занятий в саду, по дому. Она выращивала подмосковный виноград, черенки которого были посажены еще отцом, георгины и астры. Любила природу, любила читать о природе, особенно произведения Тургенева. Неоднократно была с ребятами в Спасском-Лутовинове — родине писателя.

Марина Ивановна стояла у истоков создания Музея Боевой и Трудовой Славы. Экспонаты музея, собранные учениками и учителями, под руководством Марины Ивановны, бережно хранятся уже более 39 лет.

Была депутатом городского совета, возглавила внештатный отдел по народному образованию РК КПСС, где много времени отдавала работе с молодыми учителями.

За безупречный труд Марине Ивановне Астаховой присвоено звание «Отличник народного просвещения». Она награждена юбилейной медалью, самая высокая награда, которой она удостоена — это Орден Трудового Красного Знамени. В 1997 г. она получила звание «Заслуженный учитель России», а в 1998 г. пошла на заслуженный отдых.

Отдавать сердце детям — так учил великий педагог В. А. Сухомлинский. Следуя его совету, педагог М. И. Астахова бескорыстно отдавала ребятам все, что было у нее хорошего, но от этого сама она становилась еще богаче.

Обратимся к письменным воспоминаниям о ней ее учеников:

«Во время Великой Отечественной войны 1941—45 гг. я находился в г. Белеве. Все учебные заведения в этот период не функционировали и мы, подростки, прервали свою учебу и возобновившие ее только в 1943 г. Школа наша называлась первой, которая находилась на улице Пролетарской д. 1. Условия были очень тяжелые, отопление было печное, дров было в ограниченном количестве, занимаясь в пальто. Классы были не приспособлены к занятиям, очень маленькие комнаты, сидели по 6 человек за партой. Педагогический коллектив был пожилого возраста, но хорошо знали свое дело. В 1944 году к нам в класс назначили классным руководителем молодую, жизнерадостную, веселую учительницу по немецкому языку, Астахову Марину Ивановну. Она была старше нас только на 6 лет. Но с первых дней она показала себя знающим специалистом, хорошим преподавателем немецкого языка. Она учила нас языку, благодаря чему мы стали понимать многие слова этого предмета и с интересом изучали немецкий язык.

Она была у меня классным руководителем, регулярно проводила классные собрания и встречи с родителями, где вскрывала положительные и отрицательные стороны каждого учащегося. Была очень требовательная по отношению к нам, все мы ее уважали и любили. Марина Ивановна пользовалась большим авторитетом среди пе-

дагогического коллектива и среди нас, учащихся. В отношении оценок знаний была справедлива, и никто из нас никогда не обижался. Ее ученики многие получили высшее образование, служат и работают во всех уголках нашей страны. Спасибо ей от бывших учащихся за то, что мы получили знания для жизни.

С уважением В. Т. Звездочкин, 18.11.2002, г. Белев».

А вот еще два письма:

«Дорогая моя Марина Ивановна!

В суете нашей жизни, быстротечных встреч мне не случилось выразить Вам свое глубочайшее уважение и любовь, которые я (и очень — очень многие белевцы) постоянно ношу в своем сердце с того времени, когда в далеком 1952 году Вы вошли в наш 10 «б» — красивая, открытая, молодая... Те знания, что дали Вы мне за один год, помогли мне поступить в прекрасный ВУЗ — Московский пединститут: первый предмет на вступительных — немецкий, и первая пятерка! В моей жизни я часто ощущала Вашу поддержку и влияние: и в выборе профессии, и в создании семьи, и методике преподавания, и в манере поведения с большой аудиторией, и во многом другом. Окончив школу, мы с большим волнением приходили в Ваш дом, общались с Вашими благородными родителями, достойнейшими наставниками Белевской детворы. Для каждого находили Вы доброе слово помощи, одобрения. Мы выросли, старели, а Вы не изменялись.

Мы приводили к Вам своих детей, внуков, а нас встречала наша Марина (ведь у Вас не было прозвища) — и с улыбкой, вниманием и постоянным стремлением помочь. Вы — связующее звено многих поколений Белевских граждан. Доброго Вам здоровья, моя любимая Учительница, благополучия и низкий поклон. Спасибо Вам за все.

Пусть надолго сохранится блеск и энергия Вашего ума, богатство вашей молодой души. Для меня Вы всегда образец Человека и Женщины, Гражданина и Учителя. Целую Вас.

Римма Костава (Романова), 01.10.1997, г. Тула».

Летом 2004 г. Марины Ивановны Астаховой с нами не стало.

Более чем за полвека своей трудовой деятельности она воспитала многие поколения учеников. Некоторые из них уже сами состарились, другие, лишь недавно распрощались с юношеством. Они всегда будут помнить свою строгую и добрую учительницу, которая отдала им частицу себя.

Владимир Никишов
(г. Москва — г. Мытиши)

**ИВАН ЕГОРОВИЧ АСТАХОВ.
РАССКАЗ УЧЕНИКА**

Рассказ Марии Аблогиной и Михаила Семенова о знаменитой белевской семье учителей Астаховых вызвала воспоминания далекого послевоенного детства. В 1950—1952 гг. в школе № 8 я был учеником Ивана Егоровича в 6-м и 7-м классах. Но прежде чем рассказать о нашей встрече с ним, его незабываемых уроках математики и неизвестных страницах его удивительной биографии, необходимо хотя бы несколько слов сказать о той нелегкой послевоенной поре, в которую ему пришлось буквально из руин восстанавливать народное образование в Белевском районе.

В те годы на территории района погибло много детей. Жестокая война, отнявшая жизни миллионов отцов, продолжала и после Победы убивать и калечить их детей. Оставались неразминированные поля и луга, кругом были разбросаны снаряды, гранаты, гильзы. Сколько соблазнов было пнуть ногой блестящий в траве минный взрыватель или потянуть за проволочную растяжку. Бывали случаи, когда старшая сестра буквально за руку уводила меня от этих соблазнов. Но не у всех были старшие сестры. У многих отцы погибли на фронте, матери работали в колхозе, где первым делом после войны было закапывание траншей. По оценкам специалистов, война оставила на полях сражений более ста тысяч километров траншей. Их выкопали солдатские руки. Но в дни торжеств никто не вспоминает, какого труда стоило закопать эти траншеи слабыми руками женщин. Вернувшиеся к развалинам своих домов, жившие в землянках, питавшиеся картошкой и лебедой, они распахивали на быках дернину, сеяли, жали, молотили, веяли и все это — вручную, за палочки-трудодни. За детьми некогда было смотреть. Потому предоставленные самим себе они, часто по неосторожности, становились жертвами проклятой войны.

Возвращаясь домой из Новых Долец на Пятилетку — поселок напротив Старых Долец, 16-летняя Аня Серегина на Широком лугу подорвалась на mine. Ее похоронили на возвышении у Перелески, напротив места ее гибели. Кладбище находилось на противоположной стороне луга, но из-за мин Широкий луг невозможно было перейти. Во время войны он служил разделительной полосой на линии фронта и был буквально усеян минами.

В Ольховке, в пятистах метрах от места гибели Ани, погиб 15-летний Иван Аблогин. Он пытался разрядить снаряд и в ответственный момент попросил отойти от него окружавших мальчишек. Я помню его безжизненное тело, которое принесли на деревенской ряднушке — подстилке — к правлению нашего Зубковского колхоза «Искра», где мой дядька Борис уже сколачивал для него гроб. Невозможно забыть душераздирающие крики его матери. Сколько тогда выплакали слез русские женщины. И кажется, что в деревне даже забыли слово «плачет», говорили — «голосит». Помню, как голосила Машуля — так звали в Зубково тетю Машу Аблогину. Тогда подорвался на mine ее единственный сын Илья, работавший прицепщиком на тракторе. Потрясение гибелью сына тяжело подорвало ее здоровье.

Обеспокоенные гибелью детей, власти района приняли тогда беспрецедентное решение — собрать всех детей под началом учителей. И вот по тому, как это было организовано и проведено в жизнь, можно с полной уверенностью сказать, что руководил всем Иван Егорович Астахов. В то время он работал заведующим районным отделом народного образования. Внимательно всмотритесь в его портрет: открытый, строгий с прищуром взгляд, в котором угадывается характер твердого решительного человека. И волевое лицо, и шапка, привычно надвинутая, как офицерская папаха, — все говорит, что перед нами человек военный. И это подтвердилось документами, которые передали мне его внуки Александр Станиславович и Михаил Станиславович Кармановы. Выписка из учетно-воинского билета И. Е. Астахова публикуется ниже.

Решительность Ивана Егоровича на посту заведующего РОНО проявлялась во всем. Негде в разрушенном Белеве разместить районный отдел народного образования — разместимся в собственном астаховском доме на Пролетарской, 19. Разрушены школьные здания в деревнях, негде учить детей — не беда, временно разместимся в восстановленных домах колхозников. Нет учителей, кто-то убит, кто-то застрел в эвакуации — с работой учителя вполне справятся выпускники средних школ. Целыми классами девушки, окончившие десятилетку в 1943—1945 гг., уходили работать учителями. Гибнут дети — срочно всех собрать под присмотр учителей в каждом сельсовете. Надо кормить детей — накормим! Хорошо помню, как к нам в Новые Дольцы привозили из Белева вкусный душистый хлеб, горячие щи и кашу. Теперь-то я знаю, что пищу привозили в специальных термосах и скорее всего — из столовой белевского полка.

С 1 сентября 1945 года нашу детскую группу разместили в Зубково в только что восстановленном кирпичном доме Д. Плюхановой. В доме стояла русская печь, было тепло, хотя пол был земляным. Скоро поставили парты, скамейки, прибили к стене доску, и начались занятия. Учителем работала вчерашняя десятиклассница Наталья Матвеевна Гапеева. Тетрадей не было, и мы сами делали их из бумажных мешков. Много таких мешков из двух слоев проклеенной битумом крафт-бумаги находили в немецких фронтовых блиндажах. Мешки разрезали в размер тетради, сшивали суровой ниткой, а затем долго и аккуратно, с помощью взрослых, конечно, линовали карандашом строчки.

Не было обуви, чтобы ходить в школу. Зимой спасали валенки, а осенью в первые заморозки и в распутицу выручали русские лапти, обшитые технической резиной, которую послойно снимали с автомобильных покрышек. Для этого покрышки приходилось разогревать на кострах. Когда начались холода, многие мои сверстники перестали ходить в школу. Мать тоже попыталась не пускать меня, ведь мне тогда не было еще шести лет. Но учиться так понравилось, что я любой ценой рвался в школу. Конечно, были проблемы взаимоотношения учеников, ведь учились вместе с первого по четвертый класс. Среди детей из-за потерянных в войну лет обучения были переростки, обижавшие младших. В перерывах, когда обижали, я не мог справиться с обидчиком. Зато во время урока, когда все смиренно сидели, я вставал, подходил к обидчику и шлепал его по затылку. Меня тут же ставили в угол, а в табеле оценок за

четверть весь первый класс по поведению неизменной оставалась отметка «3». Окончание первого класса запомнилось трагической гибелью моей одноклассницы Лиды Романцевой. Она была очень спокойной девочкой и сидела со мной рядом за одной партой. В тот день, в середине мая, она пасла коров с бабушкой в нижнем углу поля за Рытвиной. Когда Лида побежала за коровой, отставшей от стада, та наступила копытом на мину. От чудовищной силы взрыва содрогнулись даже стены школы... На похороны Лиды меня не пустили, настолько тяжело потрясла всех гибель ребенка.

Выписка

из № VII отф. учетно-воинского учета
 № 714 батальонного в персостав
 3-го [Батальона] райвоенкомата
 тульской изд. гр. 1. Батальона Айт-
 лова Ивана Егоровича

XI Служба в старой армии.

	год	месяц	число
Призыв в рядовые	1915	дек	7
Произведен в прапорщики	1917	мая	24
Демобилизован в чине прапорщика	1918	январь	2

VIII Прохождение службы в Красной Армии.

	год	месяц	число
полк ком-ра роты 432 стр. полка	1919	окт	6
48 тульской дивизии / пр 132 /	"	"	19
Набат. в. командир / пр 26 /	"	"	28
Набат. ком-ром роты / пр 20 /	"	"	5
" " командир / пр 58 /	1920	дек	24
" " заводчик полка / пр 64 /	"	февр	24
Ван в распоряжении пр 46 /	"	"	"
полк на доп. командир 3	"	"	"
2 / полк 304	"	"	"

	Год	Месяц	Число
Переведен на должности ками- зата 1/пр. л 3/	1921	январь	16
Звон в распоряжении камибрига 142/пр. л 116/	...	январь	24
приведен на службу в 425 стр полк и ками. на должности камизата 3/пр. 159 § 2/	...	июль	9
Копия ат. врид полкомполка/пр. 227 § 4/	...	август	17
Возвращен к исполн. пр. л. 251 § 3/	...	...	31
при реорганизации ками. камират 142 тасерек стр. полк/пр. 227 § 4/	1921	июль	26
при переходе на испр. атаман на- значен на камизата 3/пр. 227 § 4/	...	июль	29
Уволен в бессрочный отпуск на основ приказа РВР л 702	1922	сентябрь	
Подписавший: Александр Васильевич гг. Асмафов И. Я. фел. Лоповые - член трудового союза Вышел с подписанным членко- вом билетом / 411 и 1011 / вер хотелось бы 320 / Вилевский Александр, Тульская губ.			

Подробно рассказываю потому, что вскоре судьба свела меня с Иваном Егорови-
чем. Читатель лучше поймет и оценит этого необыкновенно талантливого учителя,
если будет знать непростую школьную среду, в которой он работал.

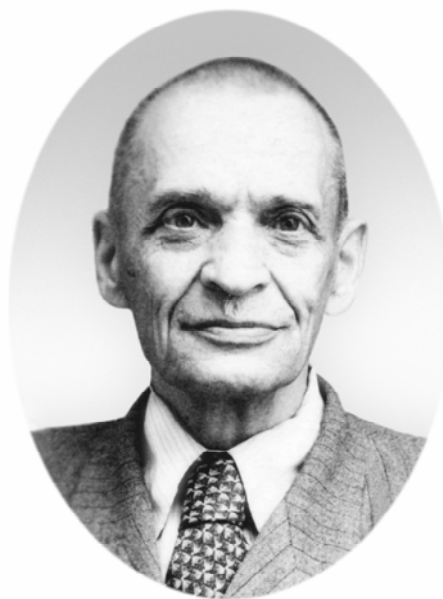
После четвертого класса я не смог ходить в школу-семилетку, находившуюся в
семи километрах в Борково, и меня отправили учиться в Белев в школу № 2. Ото-
рванный от родной среды, от друзей, от ласковой матери, я пережил столь сильный
стресс, что не могу отойти от него до сих пор. Талантливый фильм по рассказу Ва-
лентина Распутина «Уроки французского», о мальчишке с похожей судьбой, я не мог
смотреть.

Особенно трудно было расстаться с деревенским диалектом, который заметно отличался в произношении от городского. На уроках одноклассники смеялись над мной, дразнили на переменах и после школы, но учителя терпеливо поправляли. И я особенно благодарен Анастасии Сергеевне Мудровой, учившей нас русскому языку и родной речи.

Правда, к весне, когда начались детские игры и забавы, отношения с городскими ребятами наладились. Появились друзья, особенно после того, как я научился выигрывать в пристеночку и чеканочку. Выигрыш тут же тратили на колбасу и булочки, которые вместе съедали.

Осенью 1950 года наш класс из школы № 2 перевели в только что открывшуюся школу № 8, которая размещалась в восстановленном здании на улице Советской. В классе оказалось много учеников из близлежащих деревень: Жуково, Рядово, Ганьшино, Ламоново.

На урок математики пришел старичок невысокого роста в темном наглухо застегнутом вельветовом пиджаке, серых брюках и черных, аккуратно зашнурованных, начищенных ботинках. Это была его неизменная учительская одежда. Мы робко замерли, рассматривая его худощавое лицо с небольшой щеточкой усов под носом, высокий лоб и чисто выбритую голову. Своей осанкой он походил на горбатого человека. В фигуре была ярко выражена сутулость, одно плечо казалось ниже другого. Как ни пытались мы рассмотреть горб на его спине, но горба там не было. В одной руке он держал длинную линейку, большой деревянный транспортир и циркуль, а локтем другой — придерживал журнал и учебник. Первое замешательство и ожидание страха быстро рассеялись, когда мы увидели изучавшие нас ласковые глаза и добрую мягкую улыбку. Таким Иван Егорович запомнился мне на всю жизнь, и таким вы видите его на овальном портрете. Причину странности его фигуры я узнал от его жены Варвары Николаевны, но об этом расскажу ниже.

Его уроки математики отличались ясным, четким построением доказательств, красивыми иллюстрациями на доске, простым и понятным решением примеров и задач. Спустя годы, работая профессором университета и располагая уже немалым педагогическим опытом, могу сказать, что педагогическое мастерство Ивана Егоровича было редким искусством. Оно состояло в том, что он всегда оставлял ученику возможность самому сделать открытие в конце объяснения. Это открытие возникало как озарение, и радостное чувство наполняло гордостью душу: «Я сам, сам додумался!» Любил по окончании объяснения вызывать ученика к доске и, если тот затруднялся с ответом, просил класс о помощи, которая часто превращалась в умело направляемое коллективное творчество.

Хорошо помню, как рука его с ручкой скользила по списку учеников в журнале, и, не поднимая головы, он спрашивал:

— Посмотрим-ка, кого я давно не спрашивал...

Поднимался лес рук, раздавались радостно-усердные крики:

— Мине! Мине! Мине!

Иван Егорович поднимал голову и с добродушной улыбкой говорил:

— Минека Табеку за хвост укусила! Мاستрюков, иди к доске.

Шутка с Минекой и Табекой была удачным педагогическим приемом. Ученики подхватили ее, и сами стали поправлять друг друга.

В своем отношении к ученикам Иван Егорович никогда никого ничем не выделял. Не было у него «любимчиков». Но он мог употребить свой высокий авторитет и решительно вмешаться в происходящее, особенно когда видел несправедливость в отношении к слабому.

Неоценимым оказалось заступничество Ивана Егоровича в решении моей судьбы в шестом классе. Я пропустил тогда из-за болезни всю последнюю четверть, не сдавал экзаменов, и меня, по настоянию классного руководителя, оставляли на второй год. Всему причиной была бурная ранняя весна. В жаркие солнечные дни стремительно таял снег, и в течение нескольких дней Ока превратилась в широко разлившееся море, которое мы бегали смотреть на Сабину гору. Нас отпустили на каникулы, и я скорей помчался домой в родное Зубково. Но за мостом через Зеленку меня ждало горькое разочарование: через весь большак до Песочной горы, словно через плотину, переливал стремительный поток воды. Я расплакался — пропали мои каникулы, не увижу маму Ульяну и любимого друга Волчка. В таком же положении оказался еще один взрослый попутчик, и он стал меня успокаивать:

— Не плачь, мальчик. Видишь, какое жаркое солнце? Оно и растопило снег. А ты приходи утром. Ночью солнца не будет, и вода в Оке спадет. Спокойно пройдешь.

Так я и сделал. Действительно, большак очистился от воды. Заветная Песочная гора была совсем уж рядом, когда возникла новая водная преграда — неширокая протока. Я разбежался, прыгнул и... мои валенки скользнули в воду. Но теперь уже никакая сила не могла повернуть меня назад, и я прошагал с мокрыми ногами 25 км. Тяжелые последствия не замедлили сказаться. В первый же день после каникул, придя из школы, я потерял сознание. С высокой температурой меня положили в инфекционное отделение больницы: скарлатина. Три дня я метался в бреду, затем последовало длительное лечение. Выписали меня только через 45 дней, в конце мая 1951 года. В Белеве уже все цвело и утопало в зелени. Я сразу окунулся в море запахов и свежести, и мне казалось, что я никогда еще не дышал таким легким воздухом. Глаза скользили по стволам высоких деревьев и все не могли насмотреться на их зеленые кроны. Как же я не замечал их раньше? Но почему они начинают тихонько вращаться, а мне жалко оторвать взгляд от них, и... меня подхватывают руки сестры Лиды:

— Держись на ногах. Ты чего падаешь?

Занятия в школе кончились, впереди были экзамены. Я заявил, что пойду их сдавать, но сестра решительно воспротивилась:

— Какие тебе экзамены! Ты еле стоишь на ногах.

В тот же день мы отправились с ней к классному руководителю. С мужем-офицером и пятилетним сыном она жила через дорогу от школы. Сестра оставила меня у калитки, а сама прошла через палисадник и поднялась на крыльцо. Там она негромко и довольно долго разговаривала с учительницей. Безразличное отношение ко мне учительницы меня очень удивило. Она даже не подошла ко мне. Все взрослые, знавшие меня, при встрече находили теплые слова, выражали радость по поводу возвращения, подбадривали. Помню, как живший по соседству Сергей Иванович Мудров, работавший директором мельницы, — это на его дрожках отвезли меня в больницу, — подошел ко мне, крепко пожал руку и сказал:

— Ну, молодец, мужичок! Выкарабкался. Теперь к мамке, на молочко!

У классного же руководителя для ее ученика не нашлось доброго слова. Видимо, простое человеческое участие было чуждо этому человеку. После долгой беседы с ней сестра вернулась хмурой. Как потом выяснилось, она просила классного руководителя освободить меня от экзаменов за шестой класс.

— Пропустил всю последнюю четверть! Не может сдавать экзамены — пусть остается на второй год,— таково было твердое ее убеждение.

Но сестра не сдавалась. На другой день ее разговор с классным руководителем продолжался в учительской. Но и здесь этот разговор складывался не в мою пользу. От бессилия и обиды слезы брызнули из глаз сестры. Она выскочила в коридор и, закрыв лицо ладонями, горько плакала. Следом за ней вышел Иван Егорович, подошел, мягко успокоил:

— Не плачь, дочка, не плачь. Все будет хорошо с твоим братом.

Позднее стало известно, что специальным решением педсовета школы я был переведен в седьмой класс без экзаменов. Решительным моим защитником выступил Иван Егорович. Его поддержал директор школы Иван Петрович Скотников, преподававший у нас историю.

Знание основ математики, полученное на уроках Ивана Егоровича, серьезно пригодилось в моей жизни. Я легко освоил программу средней школы, где математику преподавала Вера Ивановна Дзюбо, талантливая ученица Ивана Егоровича. В Московском лесотехническом институте мне легко давался математический анализ, который преподавал Николай Владимирович Ефимов, профессор, декан механико-математического факультета МГУ. Все учебные дисциплины, которые строились на математических доказательствах, никогда не вызывали у меня затруднений.

Дважды в жизни я подвергался серьезным экзаменам по математике. Первый раз это было на зимних каникулах в седьмом классе. Мой отец, работавший в Москве водителем автобуса, отвез меня к своему старшему брату Алексею Дмитриевичу, который преподавал математику, и попросил его проверить мои знания. Ему надо было определиться с выбором: отправить меня в какой-либо техникум или оставить в средней школе, обучение в которой тогда было платным. Когда я без запинки решил все примеры и задачи самой различной сложности, мой дядя был очень удивлен:

— Откуда у мальчика из провинции такие знания? Кто твой учитель математики?

— Иван Егорович Астахов.

— Астахов? Я знаю его. Передай ему большой от меня привет. А этому мальчику из провинции,— дядя указал на меня отцу,— надо учиться. Только иди в лесной институт. Будешь работать и жить в лесу, на свежем воздухе. Заведешь корову, разведи пчел...

Я очень сожалею, что не спросил тогда дядю, откуда он знал Ивана Егоровича. Оба они интересовались садоводством, и я могу только предположить, что они познакомились в Алтухово у знаменитого селекционера Ф. Е. Арбузова. Кстати, жизнь и деятельность этого человека достойны серьезного исследования краеведами, ведь он осуществил интродукцию более 140 древесных пород и кустарников из разных уголков мира. Памятником ему остались кедровая роща в Алтуховском имении и яблоневые сады, культуру которых он страстно и бескорыстно проповедовал среди крестьян.

Второй серьезный экзамен по математике я сдавал при поступлении в институт. Экзаменатор, вызвавший меня отвечать, вел себя очень странно. Он отложил экзаменационный билет и стал задавать разные задачи и примеры. Решения их он не дослушивал до конца. Как только я начинал решать, он прерывал меня и давал новое задание, сложнее прежнего.

— Что, что он поставил тебе? — спрашивали обступившие меня абитуриенты, когда я вышел из аудитории.

— Пятерку!

— Не может быть?! Это же Кле-те-ник! Пятерок он никому не ставит!

Но пятерка в экзаменационном листе действительно была поставлена самим Клетеником Д. В., автором широко известного университетского сборника задач по «Аналитической геометрии».

Прошли годы. Я учился в Московском лесотехническом институте, и однажды летом на каникулах в Белеве встретил Нину Михайловну Полунину, сестру моей одноклассницы Муси. Нина тогда работала секретарем райкома комсомола. Не дав мне опомниться, она тут же потащила меня на день рождения Марины Ивановны Астаховой. Я считал неприличным идти без приглашения на день рождения своей любимой учительницы, у которой учился немецкому языку с восьмого по десятый классы. Но как я ни упирался, увильнуть мне не удалось. По пути мы зашли за цветами в какой-то старинный дом на Истоминской улице. Хозяйками дома были две очень приветливые старушки. Одна из них занялась с Ниной букетом цветов, а вторая — угощала меня чаем с вареньем. Помню, большую комнату с тяжелыми бархатными шторами украшали две красивые высокие китайские вазы, а в углу стоял старинный клавесин. Когда они узнали, что мы идем в гости к Астаховым, с нас решительно отказались брать деньги за цветы.

Дом Астаховых. Улица Пролетарская, 19. Снимок сделан в 2004 г.

В доме Астаховых меня поразили светлые комнаты, которые казались еще больше, чем они были, из-за распахнутых высоких двухстворчатых белых дверей с красивыми филенками. Позднее, приезжая в Белев, я часто бывал в доме Астаховых, и Марина Ивановна рассказала мне его историю. Дом построил приказчик купца Игнатова. Он был очень образованным человеком. Окончил, говорю об этом по памяти, Бернский университет. Был химиком по специальности, знал европейские языки. Его сестра владела книжным магазином, и в доме была очень богатая библиотека с редкими книгами и журналами. В 30-е годы владелец дома, на фото он слева от Ивана Егоровича, остался одиноким и охотно согласился принять интеллигентную семью Астаховых на квартиру. До этого они ютились вместе с другими учителями в доме В. А. Жуковского. Когда в этом доме решено было устроить музей поэта, Астаховы

сняли квартиру на Пролетарской, 19. Хозяин дома, находясь в преклонном возрасте, в 1934 или 1935 году согласился продать дом Астаховым в рассрочку. Его условие — проживать в доме до смерти — было доброжелательно принято, и постепенно он «врастает» в Астаховскую семью как член семьи.

Деньги ему регулярно выплачивались, но он не тратил их, откладывая на сберегательную книжку. Любивший детей, а особенно младшенькую Лиду, сберегательную книжку он завещает ей.

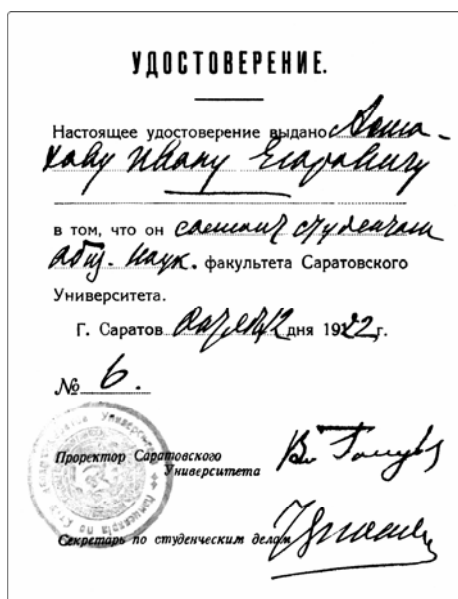
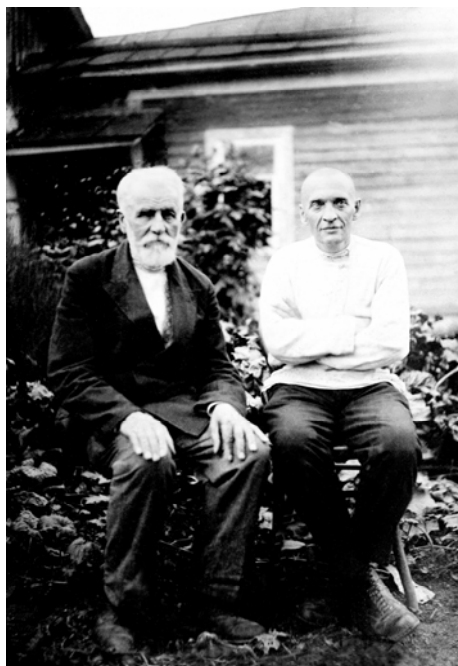
В Иване Егоровиче он находил, видимо, доброго, умного собеседника, и близкое родство их душ легко заметить по фотографии.

Во время войны он отказался выехать в эвакуацию вместе с Астаховыми, но поддерживал с ними связь. Когда освободили Белев, он успел дать телеграмму Астаховым, но когда они вернулись, его уже не было в живых. В лютый мороз он, очень любивший молоко, отправился за ним в Жуково. По дороге простудился и умер. Дом с его ценнейшей библиотекой был разворован. Унесли даже оконные рамы, которые Марина Ивановна собирала потом по всей округе. Много труда вложила она в реставрацию и обустройство дома, который очень любила. С гордостью показывала глубокий, совершенно круглый погреб, который она построила:

— Нельзя у нас без погреба. Здесь сельский быт, а зимой не сбегашь за картошкой в магазин. Да и с мясом проблема. Вот держу кроликов. В Москве растут племянники, подкармливаю их. У вас ведь в Москве проблемы с мясом.

Внутри дома, показывая новую обшивку, она рассказала, что все стены дома под старой обшивкой были утеплены листьями войлока еще в XIX веке.

Но вернемся ко дню рождения Марины Ивановны. Когда собрались гости, я почувствовал себя среди них очень смущенным. Их внешний вид, одежда, манера вести себя говорили о людях образованных, имевших солидное общественное положение. Только Варвара Николаевна с ее необыкновенно мягкой, просто солнечной улыбкой успокаивающе действовала на меня и все просила подкладывать мне пышные пироги, изобилию которых, казалось, не было конца. Она обратила внимание, с каким интересом я просил показать комнату покойного Ивана Егоровича, его письменный стол, его книги, его виноградный куст. Еще до войны он посадил

виноградную лозу, выходил ее в сложных климатических условиях, и она растет и плодоносит до сих пор. Очень охотно, с нескрываемой радостью Варвара Николаевна отвечала на все мои вопросы и все вспоминала и вспоминала... Из ее рассказов я узнал, что Иван Егорович окончил Саратовский университет. После службы в Красной Армии он был зачислен в университет, и ему разрешили экстерном сдать экзамены.

Особенно ей нравилось рассказывать об участии Ивана Егоровича в театральных постановках Народного театра в Белеве. О репетициях в театре он ничего ей не рассказывал — готовил сюрприз. Когда они пришли в театр, Ивана Егоровича неожиданно будто бы «вызвали к начальству», и весь спектакль она смотрела без него. Она настолько была увлечена постановкой, что даже не узнала собственного мужа в образе городничего, настолько было искусным его перевоплощение. Только когда они встретились в фойе, Иван Егорович несколько фраз сказал голосом городничего, и она всплеснула руками:

— Ванечка, так это был ты! Я тебя совсем не узнала.

Так в процессе разговора с Варварой Николаевной я узнал очень много интересного из жизни Ивана Егоровича. Когда же я набрался храбрости и спросил, отчего он горбился, она стала грустной:

— Это последствия тяжелого ранения в 1916 году. Он воевал на фронте, и в него попала немецкая разрывная пуля. Ему еще повезло. Пуля навывлет прошла через правую лопатку под небольшим углом. Он вспоминал, что удар был такой силы, будто в лопатку, как молотом, ударил плоский осколок снаряда. От удара были повреждены ткани легкого, и несколько дней он кашлял с кровью, что позднее вызвало правосторонний плеврит. Последствия этого ранения сказывались на его здоровье всю жизнь.

2

СВѢДѢНІЯ О БОЛѢЗ

Лечебное заведение, въ которое поступилъ нижний чинъ*).	№ по прием- ной книжкѣ.	Годъ, мѣсяцъ и число пріема въ леч. зап.	Болезни, повреждения и раны и указаніе на зависимость ихъ отъ условій прохожденія военной службы нижнимъ чиномъ.
Лазаретъ №1553 при А. Сиваковъ Тренинъ Иванъ	№ 355	1916 III 16	Сильная пулевая раненіе правой лопаточной области. Право- осторонний острый плеврит. Слабокроветв. Ранен 16.03.16 на р. Смоленскъ, к-дѣ раненіе острѣе тѣла. На- мечено о вѣдѣно.

*) Въ виду ст. 39 Полож. о нижнихъ чинахъ строевой сверхсрочной службы (приказъ по В. В. 1911 г. № 446), для сверхсрочно-служащихъ строевой службы точно указать, когда они поступили на учетъ тылового эвакуаціоннаго пункта.

Из его военно-учетного билета (см. стр. 122—123) и записи в билете, сделанной при поступлении в лазарет, мы узнали, что в русскую армию он был призван 7 декабря 1915 г. и служил рядовым в 6-й роте 312-го пехотного Васильковского полка. Летом 1916 г. его полк участвовал в наступательной операции Юго-Западного фрон-

та — знаменитом Брусиловском прорыве. Удар наносился в направлении Луцк — Ковель силами 8-й армии под командованием генерала А. М. Каледина. Немцы, успевшие перегруппировать силы, упорно защищали стратегически важный железнодорожный узел Ковель. При попытке форсировать реку Стоход войска встретили ожесточенное сопротивление. Здесь, на реке Стоход, Иван Егорович был ранен 16 июля (29 июля по новому стилю) немецкой разрывной пулей «дум-дум», применение которой было запрещено Международной Конвенцией. Чтобы увеличить убойную силу пули, ее латунный наконечник надрезали крест-накрест. При попадании в цель тяжелый свинцовый стержень пули, продолжая по инерции движение вперед, выходил из латунной оболочки через надрез и причинял тяжелые увечья раненому, разрывая ткани.

Более месяца Иван Егорович лежал в полевом госпитале. Однако из-за воспаления поврежденной плевры правого легкого, вызывавшего мучительный сухой кашель, его отправили санитарным поездом на долечивание в Москву. После двух недель лечения в лазарете № 1555, размещенном при Нижне-Сокольническом трамвайном парке, он получил месячный отпуск в Белев «для поправления здоровья и свидания с родными».

В середине октября 1916 г. он снова вернулся в действующую армию, где продолжал принимать участие в боевых действиях вплоть до демобилизации в начале января 1918 г. В мае 1917 г. Иван Егорович был произведен в прапорщики. Получение рядовым офицерского чина, безусловно, было связано с боевыми заслугами. Мы публикуем фотографию, сделанную в августе-сентябре 1917 г., где Иван Егорович на привале у костра с однополчанами. Он стоит слева с кукурузой в руках. Обратите внимание на гроздь винограда. Не отсюда ли его страстная увлеченность виноградной лозой, которую он вырастил в своем белевском саду?

Московское Городское Общественное Управление.
Организация помощи раненым и вольным войнам.

Форма билета объявлена в Приказе
зам. по военным Московского Военного
Округа от 12-го мая 1915 г., № 445,
согласно предписанию Главного Управле-
ния Генерального Штаба, по Знак. Упр.,
от 5-го мая 1915 г., № 34 706.

БИЛЕТЪ,

Видомъ на жительство слу-
жить не можетъ, но нижний
чинъ долженъ имѣть всегда
при себѣ.

выдаваемый званированному нижнему чину при поступленіи въ лечебное заведеніе.

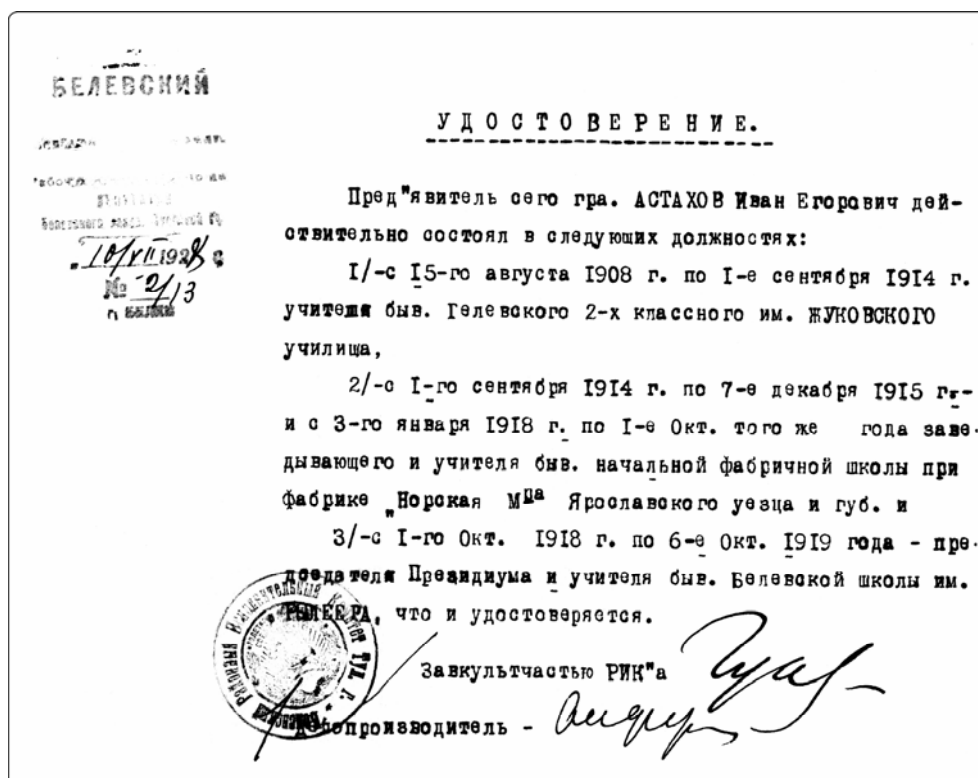
№ 1555
переданъ по
приказной книгѣ.

Выданъ (наименованіе лечебнаго заведенія, выдавашаго билетъ) лазарета
№1555 при Н-Сокольническомъ трамв. паркѣ

- 1) Часть войскъ и воинское званіе рядовой 312 тп Василь-
ковскаго полка 6 роты
- 2) Фамилія Астахова
- 3) Имя и отчество Иванъ Егоровичъ
- 4) Мѣсто приписки. Губернія, уѣздъ, волость инж. гор. Бѣлев-а.
Трулевская губ.
- 5) Годъ рожденія 1887.
- 6) Семейное положеніе (женатъ, холостъ, вдовъ) холостъ
- 7) Срокъ службы 1908 г.

В начале января 1918 г., после демобилизации, Иван Егорович возвращается в Ярославский уезд на фабрику «Норская мануфактура», где он работал до призыва в армию заведующим и учителем начальной фабричной школы. Мы не знаем, по чьей рекомендации он оказался в этой школе 1 сентября 1914 г. Но можно предположить, что эта рекомендация шла по линии известной белевской семьи купца А. И. Прохорова. В то время владельцем «Норской мануфактуры» был К. И. Прохоров. В октябре 1918 г. фабрика была остановлена и затем национализирована. Видимо, происходящие на фабрике события побудили Ивана Егоровича вернуться в родные белевские края. С 1 октября 1918 г. он приступил к работе в школе им. Рылеева, но проработал там совсем недолго.

Шла гражданская война, и уже 6 октября 1919 г. его призывают в Красную Армию, в которой он начинает службу помощником командира роты 432-го стрелкового полка 48-й Тульской дивизии. Боевой путь этой дивизии достаточно хорошо описан в литературе и в воспоминаниях маршала А. М. Василевского. В 1921—1922 гг. Александр Михайлович был начальником штаба 142-й бригады, а в мае 1921 г. в эту же бригаду командиром батальона был назначен Иван Егорович. Такое назначение без начальника штаба бригады не могло состояться и, конечно, можно быть уверенным, что Иван Егорович и Александр Михайлович были знакомы.

В январе 1923 г., после демобилизации и сдачи экстерном экзаменов в Саратовском университете, Иван Егорович возвращается в Белев и назначается на должность руководителя детского дома В. Величкиной. На этом посту он сменил Варвару Николаевну, которая вскоре стала его женой. 21 августа 1924 г. родилась первая дочь Марина. Потом 20 октября 1929 г. родилась вторая дочь Лида. Мы публикуем фотографию Ивана Егоровича среди родных и близких в 1930 г.

Р. с. Ф с. Р.

Удостоверение.

ОТДЕЛ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БЕЛЕВСКОГО СОВДЕПА

26/2 подотдел
дня 1923 г.
№ 116

Белевский Уездный Отдел Народного Образования сим удостоверяет, что пред'явитель Астахов сего, т. 11.8. действительно состоит на должности руководителя гед. дела В. Вешневича

Г. Белев Тульской губ. Настоящее удостоверение действительно на 3-х-ца.

Засед. Отделом
Н-к Администрации
Секретарь

Белевский Уездный Отдел Народного Образования № 1013-21.

Лидия Ивановна Астахова в 1954 году окончила лечебный факультет 1-го Московского медицинского института. В 1954—1955 гг. работала главным врачом Челюскинской участковой больницы Тульской области. 24 августа 1954 года она вышла замуж за офицера военно-морского флота Карманова Станислава Григорьевича и в 1955 году переезжает в Петропавловск-Камчатский, где служил ее муж. Помню, как в феврале 1955 года они участвовали в традиционном вечере встречи десятиклассников с выпускниками школы № 1. Оба они, сияющие от счастья, поднялись на сцену и были представлены школьникам Мариной Ивановной. Станислав Григорьевич, одетый в красивую военно-морскую форму, произнес блестящую речь под бурные аплодисменты школьников. Лидия Ивановна приветливо улыбалась нам. В одной руке она держала необычный для февральской поры букет живых цветов, другой поднятой рукой приветствовала нас.

В 1955 году вместе с мужем она уезжает на Камчатку, где работает в областной больнице г. Петропавловска ординатором хирургического отделения. Затем с 1958 по 1968 гг. в той же больнице она работает ординатором травматологического отделения. После перевода мужа в Москву в 1968 году Лидия Ивановна шестнадцать лет работает в поликлинике № 56 Ленинского района г. Москвы заведующей травмопунктом. В 1985 г. с выходом на пенсию она переходит на должность врача-травматолога и работает в той же поликлинике до 1992 года. Вся ее жизнь, по примеру родителей и старшей сестры, была посвящена благородному делу служения людям.

Скончалась Лидия Ивановна 13 ноября 1999 года.

1937 год не обошел неприятностями семью Астаховых. Иван Егорович был арестован как «враг народа» и несколько месяцев сидел в тюрьме. Очевидно, кому-то не давало покоя офицерское звание Ивана Егоровича, заслуженное им тяжелым ратным трудом. К счастью, в тот период в Белеве с инспекторской проверкой оказался один из видных московских чекистов. Он был воспитанником детского дома, которым руководил Иван Егорович. Проверяя списки заключенных, чекист увидел фамилию Астахова, возмутился и потребовал немедленного его освобождения. С тех пор семью Астаховых по этому поводу никто больше не беспокоил.

1930 год. Иван Егорович и Варвара Николаевна с дочерьми Мариной и Лидией среди родных и близких

Дочери Ивана Егоровича Лида и Марина с внуком Александром

Иван Егорович у любимой виноградной лозы

Иван Егорович, Варвара Николаевна и Марина Ивановна
с близкими друзьями в саду после сенокоса

Фотография Ивана Егоровича и Варвары Николаевны с дочерью Лидой

Семейное предание хранит еще одну историю, которая связана с участием Ивана Егоровича в знаменитом сталинском призыве 1942 года. Он попал в Казанское училище, где стал преподавать курсантам математику. С инспекторской поездкой в училище прибыл маршал Мерецков К. А., и на построении он обратил внимание на необычную фигуру уже не молодого Ивана Егоровича. Узнав, что он работал учителем, Мерецков К.А. немедленно распорядился отправить его домой:

— Учитель должен работать с детьми!

Иван Егорович вернулся в прифронтовой Белев и в качестве заведующего РОНО стал заниматься восстановлением системы школьного образования.

Еще один вопрос, на который я так и не знаю полного ответа, но не сказать о нем не могу,— это происхождение Ивана Егоровича. Кто были его родители? Марина Ивановна рассказывала мне, что Иван Егорович был внебрачным сыном одного белевского помещика и его экономки. У его отца было еще несколько сыновей, которым он дал хорошее образование, но проявлял заботу о воспитании и образовании и младшего сына.

Теперь мы уже никогда не узнаем, был ли Иван Егорович верующим человеком, но нет никакого сомнения, что всей своей жизнью, своим отношением и служением людям он показывал образец высокой нравственной культуры и блестящего воспитания, которое он получил в православной среде.

Наш долг сегодня — увековечить память знаменитой белевской семьи учителей Астаховых. Одним из лучших памятников в Белеве стала бы УЛИЦА АСТАХОВЫХ с красивым домом № 19, где в войну размещался районный отдел народного образования.

